

ГАЛИЦКИЙ В. Д. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГАЛИЦКИЙ Владимир Дмитриевич, родился в 1902. Окончил гимназию, с 1920 — работал народным учителем, с 1921 — после женитьбы занимался сельским хозяйством. В сентябре 1926 — выехал в Воскресенск, работал на железной дороге, с апреля 1927 — заведующим домом отца за зарплату. 25 февраля 1930 — арестован и заключен в тюрьму. Выслан с семьей в Няндому.

В августе 1930 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<1 августа 1930>

«Многоуважаемая гражданка Пешкова

Извините, что я к Вам так обращаюсь. Так как я не уверен, что Вы в действительности есть такая на свете. О вас я случайно узнал от одного адм<инистративно> ссыльного человека, который слышал о Вас от одной женщины, которой Вы помогли взять детей брата к себе, которого выслали в Север<ный> край как кулака. Она говорила ему о Вашем добром обращении с ней, а поэтому я тоже, как высланный с семьей в Сев<ерный> край, обращаюсь к Вам с просьбой выслушать меня и помочь мне в моем горе. Прошу у Вас помощи и совета, что мне делать и куда обращаться, чтоб мое дело разобрали, правильно ли я выслан. Ради всего дорогого для Вас на свете, выслушайте и помогите мне. Родился я в 1902 г<оду>. Отец мой сельский священник. До 1920 г<ода> я учился, а в 1920 г<оду> поступил народным учителем, но мне стало стыдно, имея такой почерк, учительствовать, и я оставил его в 1921 г<оду>, женился и начал заниматься хлебопашеством в гор<оде> Ананьеве АМССР, возле этого города я жил с 4 лет от роду. Жена моя — дочь писаря, работавшего в Ананьевской мужской гимназии. Родители ее очень бедные, я тоже, женившись 20 лет от роду, не имел никакой собственности. Начали мы заниматься хлебопашеством на 2 дес<ятинах> земли, оставшихся свободными в Зем<ельном> обществе в предместье гор<ода> Ананьева, так называемом, первом участке. Начиная заниматься хозяйством, я не имел совершенно ни живого, ни мертвого инвентаря. Эти две десятины я посеял кукурузой и подсолнухами. Землю не пахал, так как не имел средств заплатить, а посадил под сапу. На мое счастье подсолнухи уродились? Хорошие, так что я мог приобрести немного ржи и за 25 пудов купить двух 3-х месячных лошонков. После землеустройства я получил норму земли из того же Зем<ельного> общества, т<о> е<сть> 3 десятины. Когда исполнилось лошонкам один год, я начал ими пахать норму свою. После того, когда лошонкам исполнилось два года, я начал выезжать в гор<од> Ананьев на тяжелую биржу и возил небольшие грузы, а затем возил торговцев на базар. Но когда им исполнилось три года, их украли, т<о> е<сть> в сентябре м<еся>це 1926 г<ода>. После кражи лошадей я лишился всяких средств и заниматься хлебопашеством мне было невозможно, т<ак> к<ак>, занимаясь хлебопашеством и извозом, мне приходилось очень нуждаться, так как на своих лошадей большого груза набрать не мог. Мой двоюродный брат, служащий на железной дороге в гор<оде> Вознесенске Николаевского округа, посоветовал мне бросить хлебопашество и переехать в гор<од> Вознесенск и работать на ремонте железной дороги. Я ликвидировал остатки своего хозяйства за 55 руб<лей> и переехал в г<ород> Вознесенск. В это время моя семья уже состояла из двух мальчиков и жены. Я поступил поденным рабочим на жел<езной> дор<оге> и проработал с перерывами до февраля 1927 г<ода>, а затем перестали принимать рабочих, не членом союза, и я опять остался без средств. Тогда отец мой, живущий в то время в Киеве, узнав о моем материальном положении, предложил мне взять его дом в

собственность в гор<оде> Вознесенске и заведовать им, за что мне будет платить 25 р<ублей> в м<еся>ц, а чтоб остальные деньги я тратил на ремонт и налоги по дому. Не имея средств, я вынужден был согласиться на эту должность. В 1927 г<оду> в начале апреля я получил этот дом в собственность, отец дал мне доверенность нотариальную, и я начал им заведовать. Так как покраску, столярную и штукатурную работу я попробовал делать сам и делал, то отец прибавил мне еще 10 р<удлей>, и я начал получать с июля м<еся>ца 35 р<ублей>. Таким образом, я заведовал домом до февраля м<еся>ца 1930 г<ода>. В ночь на 25 февраля меня арестовали и отправили в Гор<одскую> милицию, а жене сказали, чтоб та за 6 часов собрала свои вещи, и что нас отправят куда-то на жительство. Жена, расстроенная, и с двумя малолетними мальчиками 6 и 4 лет, успела взять кое-какие вещи, т<ак> к<ак> дети ее расстроили, и она ходила ко мне на свидание в милицию, так как я просил начальника отпустить меня к жене помочь ей собраться, т<ак> к<ак> она слабая вообще здоровьем, дети мешают, и она расстроенная, но он не разрешил, и только позвал ее ко мне. Когда меня привели к жене, то он успокаивал меня и ее, говоря, что там вам дадут работу, и вы будете там жить. Я поверил ему и даже к стыду своему был рад, что получу работу, и что нас на север не сошлют. Через несколько часов меня привели в один из заезжих дворов в гор<оде> Вознесенске, где была моя семья с вещами. Затем повезли на станцию — и в Архангельск. Возле гор<ода> Архангельска семью отправили в город, а нам, мужчинам, сказали, что нас на 5 дней <отправляют> на работу. Затем привезли нас на разъезд Междудворье Сев<ерной> жел<езной> дор<оги> для постройки бараков. Затем из Архангельска семью мою перевезли в бараки возле разъезда Шелексы, а 25 апреля с<его> г<ода> по разрешению коменданта Междудворья и коменданта колонии возле разъезда Шелексы семье разрешили переехать ко мне на место работы в Междудворье. Во время разгрузки бараков в Междудворье меня перевезли с семьей в лес в бараки, находящиеся на расстоянии 13 верст от гор<ода> Няндомы Сев<ерной> жел<езной> дор<оги> для постройки дороги по грязи в лесу и домов для нас, переселенцев. За все время пребывания здесь я изорвал совершенно свою обувь, и теперь приходится работать, стлать из бревен дорогу в лесу босым. Дети тоже совершенно без обуви, ходят босые, а уже приближаются холода. Поддержки материальной получить я не могу ни от кого, так как мать жены — вдова и сама еле добывает себе пропитание, а мой отец мне тоже не может помочь. Сейчас я получаю на свою семью из 4 человек в сутки 700 гр<амм> хлеба, 120 гр<амм> крупы, 36 гр<амм> сахару и 300 гр<амм> рыбы. На этот паек прожить я с семьей не могу, и уже вещей, которые променять на продукты, нет. Всю свою жизнь на свете я не жил, как многие другие люди жили. Пришлось много пережить горя во время своей самостоятельной жизни, а что теперь, так положение невозможное. Один только ужас, как подумаем о будущем. Ведь, кроме лишений в жизни, не видел другого. В политику никогда не вмешивался, а всегда добросовестно относился к своему делу и желал трудиться, чтоб прокормить свою семью. Что же я должен был делать, когда специальности у меня нет никакой, а плюс еще такой почерк. Воинскую повинность отбывал вне войскового обучения, так как в то время у меня был один мальчик. Трудиться я люблю и хочу. На Междудворье я работал сначала на постройке бараков, а затем был назначен заведующим обозом колонии ОГПУ разъезда Междудворье. За время заведования я с<экономил> около 400 р<ублей> денег, благодаря своему добросовестному отношению. Не подумайте, пожалуйста, что я Вам хвалюсь и что я думаю выслужиться, нет, а просто у меня такой характер. Будучи заведующим обозом, я не мог собраться написать заявление в комиссию по пересмотру

дел высланных по раскулачиванию. Заявление в эту комиссию подала моя жена, которая права была, говоря, что я только и смотрел за лошадьми, а про семью забыл. Я надеялся на эту комиссию всецело, и член этой комиссии или другой комиссии, в общем, который допрашивал жену, сказал, что в вашей личной карточке я не вижу основания вас выслатать. И вот, комиссия была, и я очутился в лесу и неделю тому назад, пробив ногу, я из-за нарыва не мог выйти на постройку дороги, так как боялся простудить нарыв, и за это был посажен под арест комендантом нашего поселка на 3 суток без хлеба. Конечно, если комендант не будет принимать мер, то все заболеют, но ведь получить наказание такое мне было больно. Когда нас привезли в Архангельск, и семьи отправили в город, то во время проверки трудоспособных мужчин я прочитал случайно свою личную карточку. В ней было написано, что я домовладелец, злостный неплательщик налогов, агитировал не исполнять распоряжений комхоза. Прочитав эту ложь, мне сделалось очень больно, я заплакал и отошел в сторону. Домовладельцем я не был никогда. Агитировать за неисполнение распоряжений Комхоза я не агитировал, так как сам их исполнял в срок и часто, и даже можно сказать всегда, исполнял раньше срока. Налоги платил за дом отца почти всегда раньше срока, а других налогов не было. Еще раз прошу Вас, если возможно, помогите мне в моем горе советом или чем можете. Одна надежда только на Вас. Я через месяц (насколько помню) после того, когда привезли меня в Сев<ерный> край, послал письмо тов<арищу> Сталину, которому, кратче, чем Вам, описал тоже и просил его ответить мне, правильно ли я выслан, но ответа до сих пор не получил, не знаю, получил ли он его. Документов у меня сейчас нет никаких, так как часть документов, самых главных, взяли у меня при аресте еще дома, а доверенность нотариальную на заведование домом и справку Зем<ельного> общества о том, что больше двух десятин земли до землеустройства и 3-х десятин после землеустройства, которые даны мне были, как норма, не имел, я отослал в Архангельское ГПУ. Есть у меня еще квитанции об уплате налогов за все годы за дом отца, которым я заведовал до отправки меня в Сев<ерный> край. Справку одну посылаю Вам, из которой видно, что дом не мой, а отца. Как же мне теперь быть? Надеюсь на Вашу доброту, о которой говорила женщина, и прошу Вас ради моих малюток помочь мне. Адрес мой: гор<од> Няндомы Сев<ерной> жел<езной> дор<оги>, переселенческий поселок, барак № 2, Владимиру Дмитриевичу Галицкому. Выслан из УССР, гор<ода> Вознесенска Николаевского округа. С 1906 г<ода> я жил и до 1926 г<ода> в г<ороде> Ананьеве АМССР, а с осени 1926 г<ода> и до февраля 1930 г<ода> в г<ороде> Вознесенске.

В. Галицкий.

1/VIII-30 г<ода>»¹.

*5 августа 1937 — Владимир Дмитриевич Галицкий был арестован, 19 сентября приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян*².

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 517. С. 100-102. Автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.